

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА

А.В.Тетенькин

Иркутский государственный технический университет

ОТ «ХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДА» ДО «ГЕОАРХЕОЛОГИИ»: РЕКОНСТРУКЦИЯ НАУЧНОГО ДИСКУРСА ИРКУТСКОЙ ШКОЛЫ

Введение

Иркутская школа археологии: что следует понимать под этим словосочетанием, в чем его сущность, из чего ее вывести, как сформулировать? Этими вопросами нельзя не задаться, будете ли вы творцом этой самой школы, или, как в данном случае, неофитом, осваивающим ее научное наследие. Для того, чтобы осмысленно двигаться дальше во всех возможных направлениях - методологических, теоретических, практических, нужно выстроить отношение к тому исходному, откуда идешь («камо грядеши?»), а для этого его нужно понять. Ответы о раскопанных памятниках и выделенных культурах, этапах, пластах лежат на поверхности, но это, понятно, лишь отблеск, лишь тень, отброшенная чем-то. Иным на страницы статей.

Подход может быть разным: это социально-культурный феномен второй половины XX века; некий коллектив людей с бессменным ядром лидеров, творящих археологию, специфика которой, предполагается, и составляет суть иркутской школы (а, может быть, стиля, манеры? направления?); некие методологические принципы, обязательные в данной профессиональной среде. Но однородна ли среда. неизменны ли принципы? Мы признаем взгляд на парадигму как на квинтэссенцию научной мысли, целостное теоретико-методологическое представление, свертывающее в себе сущность иркутской археологии. Она была выстроена лидерами. В отношении к ней самоопределялись остальные. Оговоримся, что мы сразу зададим рамки для дискурса вдоль диахронного ряда развития парадигмы рамки «начала» и «конца». Это будет ряд от «хозяйственного уклада» до «геоархеологии». По ходу дела мы постараемся объяснить этот выбор и выяснить, насколько он оправдан. По счастью нам нет нужды заниматься археологией смыслов, поскольку это история новейшая, и возможна обратная реакция тех самых авторов, творцов парадигмы, лидеров школы, то есть возможна коммуникация. Но именно по этой же причине вопрос угрожает стать из абстрактно-теоретического политическим. Нашим горячим желанием было бы не перейти в глазах Читателя эту грань.

I. «Хозяйственный уклад».

Первый свой археологический опыт, первую научную школу основатели современной иркутской археологии Г.И.Медведев, В.В.Свинин, М.П.Аксенов в середине 50-х гг. получили будучи студентами у М.М.Герасимова на раскопках знаменитой палеолитической стоянки Мальта. Чрезвычайно важным для судеб и самих молодых археологов, и будущей иркутской школы был сам прецедент передачи молодым иркутским археологам того культурного, в широком смысле слова, опыта ранней иркутской школы Петри в лице одного из лучших ее выходцев, чья судьба, можно сказать, сложилась удачно. «Генеалогическое древо» иркутской археологии не было прервано. Однако первыми самостоятельными работами В.В.Свинина, М.П.Аксенова, Г.И.Медведева, стали исследования не в области палеолита. На рубеже 50-60-х гг. Г.И.Медведев и М.П.Аксенов принимаются за разработку мезолитической тематики, но сути, первыми в Сибири (Медведев, 1961,1968,1971а; Аксенов, Окладников, 1980).

К середине XX столетия Прибайкалье в археологическом отношении было одним из самых исследованных среди регионов Сибири. Сказалась роль Иркутска как административного и научного центра Восточной Сибири, имевшего один из старейших в Сибири музеев, Восточно-Сибирское отделение Императорского Русского, а затем просто - Географического общества, второй после Томского университета в Сибири (основанный в 1918 г.). Начиная с открытия первой в России палеолитической стоянки Военный Госпиталь в 1871 г., археологическое изучение в Прибайкалье становится наиболее интенсивным, с которым в своей активности может быть сравнима лишь археология Красноярска и Верхнего Енисея (Ларичев, 1969; Стратиграфия..., 1990). Эти страницы истории иркутской археологии связаны с именами И. Д.Черского, А.Л.Чекановского, Н.И.Витковского, А.С.Еленева, М.П.Овчинникова.

Особую веху в археологии Прибайкалья составляет деятельность Б.Э.Петри. В 1912 г. он провел первые свои исследования в Предбайкалье. Б.Э.Петри стал одним из основателей Иркутского университета и Иркутской школы археологии. В 20-е гг. им были организованы широкие археологические исследования

и систематизированы первые археологические материалы (Савельев, 1991). Несмотря на жесточайшую для науки внутриполитическую ситуацию в конце 20-30-х гг., школа Петри получила преемственность в лице выдающихся ее питомцев - А.П.Окладникова, М.М.Герасимова, Г.П.Сосновского, Г.Ф.Дебеца, И.В.Арембовского, П.П.Хороших. Их работами и была очерчена картина археологического знания середины XX века в Прибайкалье.

В 30-х гг. А.П.Окладниковым создана схема развития неолита-бронзового века Прибайкалья, ставшая основой для последующего иркутского неолитоведения (МИА 18, 43). Она стала эталоном для разработки соответствующей тематики и в соседних регионах. Прибайкалье интерпретировалось как сильный культурный центр, распространявший свое влияние на Восточную Сибирь (Окладников, 1950, 1955; Федосеева, 1971; Эпоха бронзы лесной..., 1987). Схема была создана на материале погребальных комплексов Ангары, Верхней Лены и Байкала и фундирована широчайшими сравнительно-историческими и этнографическими материалами. Однако М.М.Герасимовым наряду с ней была высказана отдельная точка зрения на последовательность смены археологических культур (Герасимов, 1955; Мамонова, Сулержицкий, 1989).

Палеолитическая тематика в Прибайкалье была застолблена исследованиями М.М.Герасимова и А.П.Окладникова Мальты и Бурети в конце 20 - 30-х и 50-х гг. Они стали неотъемлемой частью «прорыва» в отечественном палеолитоведении в 30-е годы. вышедшего на лидирующие в мире позиции (Лебедев, 1992; Клейн, 1993; Борисковский, 1996 (1949); Trigger 1990).

Яркий материал Мальты и Бурети заслонил собой и отодвинул на второй план вопросы развития материальной культуры от финального палеолита до неолита (Медведев, 1971а). Имевшиеся крайне немногочисленные материалы Верхоленской Горы, нижнего культурного горизонта Улан-Хады, Царь-Девыцы, верхнего слоя Мальты и др. вызывали различные версии интерпретации финала палеолита и перехода к неолиту именно в силу крайней малочисленности источниковой базы (Медведев, 1971 а). Среди этих версий были и голоса в пользу существования в Прибайкалье мезолитической стадии (Арембовский, Герасимов, см. Медведев, 1971а). Интерпретации переходной эпохи различными авторами строились, по мнению Г.И.Медведева, по сути, на одном и том же немногочисленном источниковом фонде.

Расширение источниковой базы и мыслилось иркутскими исследователями как первоочередная задача в деле заполнения hiatus'a конкретным археологическим знанием. Исторически решение этой задачи стало развитием исследований М.М.Герасимова в 1951-1953 гг. верхнего комплекса Мальты и, самое главное, Усть-Белой и Верхоленской Горы. В этом начинании и состоялся дебют Г.И.Медведева, М.П.Аксенова как самостоятельных исследователей,

которые раскопками Усть-Белой, Верхоленской Горы, Уляхи, Черемушника, Соснового Бора, Царь-Девыцы и др. обеспечили «мезолитический прорыв» (Мезолит..., 1971, 1980; и др.).

Задача обоснования мезолита в Прибайкалье решалась, с одной стороны, формулированием технико-типологического своеобразия комплексов данного времени. С другой стороны, под обоснование подводилось хозяйственное, экологическое своеобразие в постплейстоценовое время, возникновение комплексного хозяйственного уклада. Взятые были на вооружение идеи С.П.Толстова о комбинированном охотничье-рыболовецко-собираательском типе хозяйствования в мезолите (Толстой, 1931; Медведев, 1971а, 2000).

С позиции сегодняшнего времени, когда критерии мезолита размыты, становление Г.И.Медведева и М.П.Аксенова в ряды сторонников выделения мезолита как культурно-хронологического этапа (организовывавших «победное шествие мезолита» по стране, видевших в нем универсальный характер стадияльного развития человеческих обществ) видится как субъективный научный шаг, в том числе и самим Г.И.Медведевым (2000), с определенной точки зрения аттестующий непрерывный и независимый эволюционный процесс развития материальной культуры.

Но в ситуации 60-70-х гг. XX в. эта концепция Прибайкальского мезолита, безусловно, была «прыжком вперед», прежде всего, потому, что она выводила местную археологию на современный передовой тогда уровень научного знания. формулировала, наконец, в законченной концептуальной форме генетические линии развития и перехода от конца палеолита к неолиту, явно более удачно заменяя понятия «эпипалеолита» и «докерамического неолита» (Окладников, 1966; Хлобыстин, 1965). Широко распространенное до этого мнение А.П.Окладникова (1966) о переживании в Сибири эпипалеолита в раннем голоцене со свойственным макролитомидным характером тормозило исследования и адекватное восприятие памятников. Отныне это препятствие было снято.

Концепция мезолита

Опорными памятниками в обосновании мезолита стали Усть-Белая (открытая М.М.Герасимовым в 1928 г.) и Верхоленская Гора (открыта М.П.Овчинниковым и А.С.Еленевым в 1893 г.). Это произошло, во-первых, поскольку оба объекта были старейшими, давно введенными в научную литературу, получившими поэтому первое внимание исследователей. И, во-вторых, оба они, как оказалось в последствии, обладали уникальными, превосходными инвентарными, планиграфическими и геоархеологическими характеристиками. Достаточно упомянуть хотя бы коллекции костяных изделий обоих памятников, с которыми материалы синхронных комплексов проигрывали, и сравнимы в Прибайкалье, пожалуй,

только с неолитическими погребальными комплексами. Четкая стратиграфическая ситуация Усть-Белой с 16-ю выделенными мезолитическими горизонтами с чрезвычайно интересными «хозяйственными ямами» и погребением собаки давала возможность построения диахронной, достаточно дробной картины развития материальной культуры в мезолите. Не случайно поэтому, что первые «мезолитические знания» были выполнены на материалах Усть-Белой (Мезолит ..., 1971), а потом воспроизведены и на коллекциях Верхоленской Горы (Мезолит..., 1980).

Суть сформулированной тогда идеи состояла в «реагировании» человека на постплейстоценовые природные изменения (потепление, наступление лесов, исчезновение крупных млекопитающих «мамонтной» или «плейстоценовой фауны»), переходом к комплексному охотничье-рыболовецкому хозяйству (в идеале можно было бы включать сюда также и собирательство, но на то фактических данных не было) (Медведев, 1971 в). Существовавшие тогда немногочисленные хозяйственные группы имели ярко выраженную сезонную специализацию деятельности и, ввиду рыболовства, полуоседлый характер. Материальная же культура (производство) претерпевала тенденцию микролитизации, стандартизации, зарождения основных линий типологических рядов неолита, например: гарпуны (Медведев, 1978), рыболовные крючки, наконечники стрел (Мезолит..., 1971; Медведев, 1971з; Георгиевский, Медведев, 1980). Впервые в регионе археологическая концепция была дана на фоне развития природной среды в порубежное геологическое время, увязана с развитием териофауны (Ермолова, 1978) и подкреплена первыми в регионе радиоуглеродными датировками.

Развитие взглядов на мезолит в 70-80-е гг.

В конце 60-70-х гг. с расширением географии работ иркутских археологов были открыты и введены в научный оборот как мезолитические - памятники Ангары и Белой (Сосновый Бор, Холмушино, Каменка, Черемушник И. Бадый 11, Верхоленская Гора П), Верхней Лены (Кистеневе I-X, Макарово I—II, Шишкино I-II), Байкала (Берлога, Итерхей, Курла и др.), Нижней Ангары. Кана (Казачка, Стрижовая Гора, Потанчет и др.) (Медведев и др., 1975). Различный информативный потенциал новых объектов и степень их изученности, отсутствие полное или частичное костяного инвентаря, выразительных конструктивных элементов в планиграфии стали причиной проведения корреляций только на основе морфологии каменного инвентаря. Поэтому дальнейшее развитие мезолитической тематики пошло по линии технико-типологических штудий. Была предпринята корректировка статистико-комбинаторной характеристики инвентаря различных этапов мезолита (Медведев и др., 1975). Во второй половине 70-х гг. в Г.И.Медведевым и В.А.Лынши была подана идея эквивалентности микропластины геометрическому микролиту (Медведев, 1978; Лынша,

1978). Оставляя в стороне остальные аспекты, мезолит получал технико-типологическое содержание. Диссертация В.А.Лынши (1978), посвященная мезолиту Прибайкалья, стала наиболее рафинированным, законченным примером этого подхода: микропластинчатая индустрия расщепления клиновидных нуклеусов и вкладышевая техника сложносоставных орудий предложены в качестве критериев мезолита.

Хозяйственные и социологические интерпретации в 70-80-е гг. развития не получили, поскольку самим Г.И.Медведевым позднее они были восприняты как не критичные и в строгом естественно-научном смысле слова ненаучными. Тесное многолетнее сотрудничество с геологами Н.А.Логачевым, Э.И.Равским, С.М.Цейтлиным, палеопедологом Г.А.Воробьевой и палеолитическая специализация постепенно обусловили отход от занятий палеоэкологическими (хозяйственными) интерпретациями ископаемых вещей и формирование консервативной естественно-научной парадигмы, закончившееся в 90-е годы учением о «геоархеологии». Сущность новой системы научных ценностей состояла в ряде следующих взглядов:

1) представление об объекте археологии как об ископаемых, физически достоверных вещах - культурных остатках - компонентах геологических real, подчиненных диахронным процессам развития литосферы и теряющих внутреннюю (собственную) композицию и иную структуру;

2) отсюда неизбежные и на сегодняшний день неопределимые в степени деструкции компрессия и вторичный планиграфический рисунок культурных остатков не позволяют заниматься строгими (т.е. верифицируемыми, логически обоснованными) палеосоциальными интерпретациями;

3) единственным достоверным методом исследования остается морфология, т.е. типология на морфологическом основании, увенчивающаяся выделением по конечным формам и аппликационным блокам (Аксенов, 1981) техник каменного расщепления;

4) археология должна получить собственный научный язык описания и морфологического анализа археологических источников (Описание и анализ 1981);

5) способ познания: эмпирический путь исследований от широкого базиса «физически достоверных» ископаемых, «вещественных оснований» к узкому кругу логических построений технико-типологических порядков. В идеале на этом пути в археологии максимально достигаются естественнонаучные критерии верифицируемости и эмпирической обоснованности выводов, прозрачности и логической строгости и отсюда высокой исследовательской ответственности. Максимально полное обеспечение археологических данных естественнонаучными исследовательскими материалами, и более того, интеграция археологических данных в естественнонаучные системы знаний.

Иркутская школа археологии заметно «геоло-гизировалась», чему немало способствовал, как уже было отмечено, переход ее лидеров Г.И.Медведева и М.П.Аксенова к изучению палеолита. В мезолитической же тематике происходило постепенное вымывание оснований. Идея хозяйственной комплексности как формы постплейстоценовой адаптации повисала в воздухе в силу уже названных причин «научно-идеологического» порядка и отсутствия, или скудности, фаунистических материалов (прежде всего, костяного инвентаря). С другой стороны, материалы исследований не показывали резкой перестройки в териофауне на рубеже плейстоцен-голоцена (Бердникова, 1995). Фаунистические остатки комплексов, датируемых серединой - концом саргана (например, 4 к.г. Соснового Бора. XVI к.г. Усть-Белой). уже отражали современный состав фауны и принципиально не отличались от фаунистических данных раннеголоценовых мезолитических комплексов. Ранние комплексы мезолита, прежде относимые к 11-12 тысячам лет назад (Мезолит..., 1971; Медведев и др., 1975), судя по радиоуглеродным датировкам, оказались древнее. В частности, эталонные XIV и XVI культурные горизонты Усть-Белой (Бердникова, 2000). Оставалось охранять технико-типологическое содержание мезолитического этапа.

Показательно здесь то горячее понимание, с каким была встречена иркутянами статья Л.С.Клейна «Концепции «неолита», «энеолита» и «бронзового века» в современной археологии» (1972). Суть ее состояла в идее самостоятельных, независимых исследований археологического, исторического, палеогеографического сюжетов с последующей корреляцией последующих колонных секвенций. На иркутской почве это и означало отход от палеохозяйственных исследований и замыкание на технико-типологическом анализе.

Однако не получалось и этого. Поскольку техника расщепления клиновидных нуклеусов получения микроапастин появилась в Прибайкалье 18-22 т.л.н., то соответственно к этому времени предлагалось относить и нижнюю границу мезолита (Лынша, 1978; Медведев, 1980; Бердникова, 1990; Шмыгун, 1982). Однако сам факт микрорасщепления обнаруживался и в более ранних комплексах. Морфологическими исследованиями Е.А.Липниной (дипломная работа, 1992 г.) и Г.И.Медведева (Липнина, Медведев, 1991; Medvedev, Lipnina, 1992) показано развитие принципа терминального микрорасщепления, уходящее корнями к началу верхнего палеолита и далее в глубь, и, таким образом, вся идея была доведена до абсурда. Да и сама версия прибайкальского мезолита предложенной древности окончательно порывала с идеей постплейстоценовой адаптации и выбивалась из круга сибирских мезолитических культур, выделяемых соседними научными школами.

На практике в ряде случаев одни сарганские комплексы относились к палеолитическим «корням» (Кулаково, Черемушник - 2 к.г, Сосновый Бор - 4 и 5

к.г., Макарове II -4 к.г.) (Лежненко, 1974; Мезолит ..., 1971; Лежненко, Медведев, Михнюк, 1982; Аксенов, 1974), а ряд других финально-сарганских комплексов относился к раннему мезолиту, выросшему на местных и иных традициях (например: Черемушник I к.г. Сосновый Бор 3 к.г., Усть-Белая XIV-XVI к.г., Верхоленская Гора III к.г.). Но количественные критерии различия верхнепалеолитического типа ансамбля от раннемезолитического зыбки. Это осознают и сами исследователи. Дифференцирование объектов по хронологическому признаку: более ранние памятники - палеолитические, а более поздние мезолитические, не является, строго говоря, корректным и не решает проблем). Таким образом, она остается открытой. В ряде случаев исследователи, уходя от этого вопроса, именовали в публикациях комплексы как «докерам ич ее кие», «бес керамические», «донеолитические» (Аксенов, 1996, 1998; Горюнова, 1982; Горюнова, Новиков, 2000; Шмыгун, Ендрихинский, 1978; Медведев, Бердникова, Федоренко, 1991).

Истоки иркутской геоархеологии

Итак, главными причинами отхода от парадигмы многоаспектных (хозяйственных, культурно-типологических, экологических, технико-типологических, статистико-комбинаторных) исследований мезолитических комплексов к геоархеологической парадигме и соответствующим исследованиям был переход Г.И.Медведева и М.П.Аксенова к теме палеолита и смена «историко-археологических» научных ценностей на естественнонаучные «геоархеологические».

Исследования палеолита Прибайкалья разворачиваются в те же 60-70-е гг. одновременно с вводом в научный оборот основного на сегодня фонда археологических памятников, практически сразу же за первыми исследованиями Усть-Белой и Верхоленской Горы. Палеолитическая тематика развивается параллельно с мезолитической. В 1964-1965 гг. - раскопки Красного Яра (Медведев, 1966). В 1968-1970 гг. - первые разведки по Ангарскому водохранилищу и открытие первых коррелированных экспонированных артефактов в Осинском районе (Медведев, Бердникова, Федоренко, 1991). В 1966 г. - открытие Соснового Бора на Белой (Лежненко и др., 1982). В 1966 г. - начало работ на Верхней Лене (Аксенов, 1996, 1998). Специфика этих объектов еще жестче диктует необходимость смены научных подходов, логическим концом которой и стала окончательно оформившаяся в 90-е гг. система научного знания «геоархеология». Предельно ясно это было выражено в предваряющей «геоархеологию» статье Г.И.Медведева, М.А.Бердникова, А.Б.Федоренко «Некоторые аспекты изучения докерамических местонахождений Ангаро-Осинского района (Южное Приангарье)» (1991): «Практика полевого исследования местонахождений Ангаро-Осинского района показала своеобразие определенной их части - местонахождений с относительно стратифицированным археологическим материалом. Это

дает основание для их выделения из разряда археологических памятников в самостоятельную группу объектов, получивших предварительное **условное наименование геолого-археологических** (выделено здесь и далее мною - А.Т.). Это выделение обусловлено практически полным отсутствием «собственно археологического» контекста. Вертикальное и горизонтальное положение артефактов, их взаиморасположение обусловлены не антропогенными, а естественно-геологическими факторами. Вся получаемая при исследовании данных объектов информация археологического аспекта сводится к морфологии и номенклатуре найденных артефактов.

При исследовании таких памятников *на первое место выдвигаются естественно-научные методы* - в первую очередь геологические, палеопедологические и т.п. Традиционные методы полевых археологических работ отодвигаются на второй план, поскольку основными задачами становятся реконструкция первоначального отложения артефактов, исследование динамики их переотложения и современного залегания в конкретных геологических и геоморфологических условиях... Последнее не может быть реализовано без официального признания статуса *нового вида объекта* исследования ... Нет никаких сомнений, что в ближайшие годы в палеолитоведении Сибири исследования именно таких объектов приобретут массовый характер». (Медведев и др., 1991:13-14).

Из данного фрагмента и всего смысла статьи ясно, что геоархеология зарождалась как собственная *версия палеолитоведения*. Ее развитие в 70-80-е гг. XX в. имело общей тенденцией избегание вопросов палеохозяйственных и палеосоциологических реконструкций и связанного с ними анализа планиграфических ситуаций. В большинстве случаев исследователи непосредственной своей задачей в публикациях ставили ввод в научный оборот собственно вещественных археологических материалов, характеризуя по стратиграфической позиции относительный возраст, если возможно, приводя абсолютные датировки, выстраивая палеогеографический фон данного антропогенного события осадконакопления. И в заключительной части статей обычно лишь очень кратко говорилось о таких археологических вопросах, как функциональное назначение комплекса, культурная принадлежность (Аксенов, Лынша, Шуньков, 1975; Лежненко, Медведев, Михнюк, 1982; Горюнова, 1978, 1982; Савельев, Горюнова, Генералов, 1974; Лежненко, 1974 и др.). Такая ситуация обуславливалась во многом предварительным характером публикаций новых объектов, часто отсутствием данных для ответа на «археологические», «хозяйственно-экологические вопросы».

Часто, но всегда. Примером тому может служить планиграфический анализ московской исследовательницы Н.Б.Леоновой Черемушника И и

Кулакове в кандидатской диссертации, посвященной закономерностям распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках (1977).

С другой стороны, занижение планки требования к собственно археологическим исследованиям (сужение круга задач) не стимулировало развитие соответствующих методов, отдавая весь археологический материал на откуп морфо-технологическим исследованиям.

Для того, чтобы представить, в каком направлении пошли исследования, показательное изучение эталонного объекта Усть-Белая в последующие юлы после выхода мезолитического сборника в 1971 году, особенно в 1986-2000 годы относительно огульных исследований, когда на этом объекте стала работать Н.Е.Бердникова. К существующим знаниям об объекте добавились радиоуглеродные датировки нижних XIV и XVI культурных горизонтов, геолого-геоморфологические разработки, проведено геархеологическое районирование Усть-Белой и участка нижнего течения р.Белой и открыто новое и, вероятно, синхронное и сингенетичное нижним слоям Усть-Белой местонахождение Галашиха (Бердникова и др., 1998; Бердникова, 2000). Но вопросы культурно-типологической, функциональной, планиграфической и «поселенческой» характеристики, когда-то бывшие ведущими, остались незатронутыми.

Однако мы находим и исключения из этого правила. В частности, М.П.Аксеновым в 1977 г. в статье о Макарово II на основе планиграфического анализа палеогеографических данных и фаунистических остатков высказываются предположения о стоянке как кратковременном сезонном стойбище одной большесемейной общины или 3-4 малых родственных семей, наличии наземных жилищ легкой типа, в одном случае - сезоне обитания, комплексном -рыболовческо-охотничьем характере деятельности (Аксенов, 1974).

В 1980 г., с запозданием на 9 лет со времени публикации 1-го выпуска, издан 11-ой Мезолитический сборник (Мезолит.... 1980). Главной темой в нем была статья М.П.Аксенова, вводящая материалы второго опорного мезолитического памятника Верхоленская Гора I. Написана она была давно и всем стилем и содержанием работы отражала взгляды М.П.Аксенова и Г.И.Медведева на мезолит ушедшего периода 60-начала 70-х гг.

Сам Г.И.Медведев в докторской диссертации не мог обойти вопросы социологической и хозяйственной интерпретации знаменитой Мальты (Медведев, 1983). Сделано это было, во-первых, отдавая дань первооткрывателю, основному исследователю и Учителю М.М.Герасимову, и во многом воспроизводило его разработки (Герасимов, 1931, 1935, 1958). Во-вторых, ведь и сам этот уникальный объект позволял отойти от обычной исследовательской схемы и заняться интерпретационными вопросами. Эти реконструкции картины обитания на древней мальтийской стоянке явились реминисценцией еще

более ранней парадигмы советского палеошповедения 30-50-х гг., выдвинувшегося на ведущие мировые позиции в то время, в частности, благодаря пионерным разработкам таких тематик, как изучение палеолитических жилищ, антропологических остатков палеолитического времени, проблем общественного строя, возникновения палеолитического искусства и идеологии (Борисковский, 19% (1949); Лебедев, 1992; Trigger 1990).

И совсем противоположным ведущей геoarхеологической парадигме было мнение Н.А.Савельева (кандидатская диссертация, 1989), занимающегося неолитом Прибайкалья. По Н.А.Савельеву, в советской науке давно возникла «органическая потребность в разработке таких фундаментальных проблем как специфика человеческой деятельности и отражение ее в хозяйственном, производственном и орудийном формообразованиях на древнейших этапах развития человечества» (Савельев, 1989: 111). По его словам. новые принципы в исследованиях 70-80-х гг. реализованы пока частично.

Чтобы понять глубину скрытой оппозиции в этом мнении, нужно сказать, что в нем усматривается позиция «классической» археологии (в смысле характера ее как исторической дисциплины) широкого спектра от марксистской археологии начала 30-х гг. (например: Равдоникас (1995 (1930): 131): «изучение вещей как результатов производственных процессов, в связи их (вещей) друг с другом, с социальной и природной средой, в их массовом распространении, всесторонне отражающем повседневную жизнь обществ...») до Новой Археологии в лице Д.Кларка («задача археологии в разработке генерализации человеческого поведения» (по: Trigger, 1990)) и Л.Бинфорда (теория «среднего уровня» как связующего звена между общими поведенческими законами и археологическими данными (по: Trigger, 1990); «функциональные ключи к характеру деятельности, трудовой организации, служащей ее выполнению, и ожидаемого использования местонахождения в терминах общей системы существования-поселения, закодированы в организации структуры стоянки» (Binford, 19S3b: 144)).

Геoarхеология

Наконец, в начале 90-х гг. все гносеологические. методологические, в общем смысле - теоретические позиции были Г.И.Медведевым обобщены в концепции «геoarхеологии» (Липнина, Медведев, 1991; Medvedev. Lipnina 1992; Медведев, Волосова, 1993; Медведев и др., 1996) и получили, таким образом, логическое завершение. Научно-мировоззренческий крен от хозяйственно-экологической реконструктивной археологии, с чего начиналась нынешняя иркутская школа, к абсолютной точке ее противоположности, некий «диалектический переход» завершился. Появилась концепция, которую можно было бы

охарактеризовать как парадигма зрелого научного консерватизма.

Основные положения ее были изложены Г.И.Медведевым в статьях 1992,1993,19% гг., высказаны на теоретическом семинаре в Иркутске зимой 1993 г. и развиты Е.Б.Волосовой, написавшей в эти годы философскую диссертацию по теме «Проблемы археологического познания (гносеолого-теоретический анализ)» (Волосова. 1995). обосновывавшую общеметодологические и гносеологические позиции геoarхеологии.

Попытаемся изложить их кратко, в том виде. в каком они нам видны.

Геoarхеология суть комплексное естественно-научное направление, изучающее в принципе, в стратегическом плане развитие в неоген-антропогене природных био- и геотических процессов и эволюцию форм палеопроизводств, в горизонтальном срезе образования местонахождений (ориктогенез), взятых в единстве био-гео-социоценозов. А, в частности, -изучение региональных проявлений ситуаций вмещения геологическими телами антропогенных осадков и самих этих осадков как «цепочек» «палеотехнологий».

Методы, которыми осуществляются такие исследования, - это методы геологии, геоморфологии. гео- и биостратиграфии, палеопедологии и прочие, а также от археологии - теоретическая морфология. Сущность теоретической морфологии может быть понята из сопоставления с противоположной ей функциональной морфологией. Последняя способна дать определение функциональному назначению артефакта, имея для этого наборы реинентных аналогов, и работает в поздних отделах археологии. Именно характером познавательных способностей функциональной морфологии, по Г.И.Медведеву. «историческая археология» отлична от «геoarхеологии» с ее «теоретической морфологией». Теоретическая морфология в силу специфики источника способности к функциональной идентификации не имеет. И путь для социологических (логико-семантически.\ леятельностных) реонетрукций закрыт. Ее задача- изучение локальных, региональных морфологических проявлений культурных остатков. группировка в бессодержательные (функционально бессодержательные) цепочки «техник» и «линий развития». Последние и есть конечный археологический научный продукт, встраиваемый в систему геoarхеологического знания.

Гносеологическая позиция выражена в представлении о двух порогах «узнаваемости», качественно ограничивающих научное познание в виде этого самого «узнавания», т.е. опознания семантики артефактов методом аналогий - привлечением рецентных объектов-дифференциаторов (Волосова, 1994).

Историческая археология, охватывающая время от палеометалла и до позднего предела архео.іоі ии. пользуется всеми возможностями «узнавающей»

функциональной морфологии. Ее исторические, социологические, экономические построения имеют право на жизнь в науке. Их методологическая корректность признается. Они в полной мере реализуют в себе гуманитарное начало археологии.

В неолите, лежащем между двумя порогами, «узнаваем» значительный ряд категорий артефактов: «посуда», «гарпуны», «наконечники стрел» и пр. Но в неолите уже ощутим временной разрыв, ведущий к разрыву исторической памяти, существенно ограничивающий возможности для логико-семантических реконструкций.

Отстоящие за вторым «порогом узнаваемости» мезолит и палеолит составляют «геоархеологию». Специфика их исследования суть специфика геоархеологического исследования, описанная выше. Семантика культурных остатков (имеется ввиду функциональная, культурная, социологическая и всякая любая социальная характеристика) не диагностична. В финале палеолита и мезолите появляются первые проблески диагностики отдельных предметов, но ими в силу единичности следует пренебречь (Волосова, 1994:

Это полностью естественно-научный подход в смысле отрицания социологических реконструкций и по смыслу критериев научности, характеру образуемых знаний и руководящих методов. Логико-семантические реконструкции ложатся бременем моральной ответственности исследователя, в лучшем случае демонстрирующего лишь собственную эрудицию после выполнения «обязательной программы» своей научной школы.

По отношению к механизму формирования-развития объекта (местонахождения) роль геоархеологии состоит в изучении естественно-географической ситуации антропогенного осадконакопления и постдепозитных процессов модификации культуровмещающих геологических тел вплоть до момента археологического открытия. В этом отношении геоархеология эквивалентна тафономии (Ефремов, 1950). Поскольку этот, последний в судьбе местонахождения тафономический этап проходят абсолютно все археологические памятники всех возрастов, то и геоархеология растягивает фонд своих объектов до предела, в него попадают все археологические местонахождения. Этим объясняется видимое противоречие между геоархеологией как версией палеолита, с одной стороны, и геоархеологией, как универсальной, всеобъемлющей дисциплиной по отношению ко всем археологическим объектам, с другой стороны.

В рамках последнего, тафономического по характеру подхода в 1996 г. была предпринята обширная по замыслу работа, собирающая под флагом геоархеологии коллективы иркутских, улан-удэнских, красноярских археологов, с одной стороны, а с другой - реализовавшая работу по геоархеологическому районированию региона Байкальской Сибири, излагавшая стратегию развития полевой археологии

«вширь» - от опорного геоархеологического объекта к полигону и геоархеологическому району в составе системы геоархеологических районов региона. Разработанная система, на наш взгляд, высокоэвристична, поскольку обладает интегративными качествами и упорядочивает исходный, полевой этап научной деятельности, который по самой своей природе работы с ландшафтами и местонахождениями есть этап геоархеологический.

II.Сегодняшняя ситуация. Вопрос самоопределения автора

Концепция геоархеологии Г.И.Медведева сегодня играет роль официальной парадигмы иркутской школы. По отношению к ней (выражая в той или иной мере с ней солидарность) выстраивают свою позицию многие ее члены. От полной солидарности (Генералов, 2000), до занятия противоположными ей разработками системно-деятельностного подхода (Инешин, 1993,1995; Инешин, Тетенькин, 1995,1998,1999). Развитие взглядов лидера иркутской школы Г.И.Медведева в 90-е годы пришло к полной «диалектической» противоположности взглядам начала 60-х гг. Перед нами логически завершенный до «своего противоположного» дискурс мысли. Позиции остальных исследователей иркутской школы рельефны на его фоне. Некоторые из них получили концептуальное выражение, например, близкая по сути геоархеологического исследования оригинальная концепция археолого-морфогенетических систем М.П.Аксенова (1996, 1998), палеоэкология Г.А.Воробьевой и Н.Е.Бердниковой (1995), археотафономия этих же двух исследовательниц (Бердникова, Воробьева, 2001).

Мы не ставили своей задачей описание всей полноты картины теоретических представлений иркутских археологов сегодня, поскольку, во-первых, находясь в ситуации «изнутри» и в ситуации непрерывного «опредмечивания мысли» сложно выстроить внешнюю рефлексивную позицию по отношению к постоянно реализуемому «сегодня». Основной вопрос, сегодня стоящий перед автором, равно как и перед каждым членом иркутской археологии, вопрос теоретического самоопределения - самоопределения по отношению к уже ставшему теоретическому багажу иркутской школы. Выстраивая его ретроспективу, мы пошли по пути представления его в виде логической идеализации -теоретического дискурса от исходной научной парадигмы, представленного, прежде всего, работами ее лидера Г.И. Медведева, конструирующего в себе историю иркутской археологии с 60-х по 90-е гг. XX века.

Наша собственная позиция заключается в том, что рефлексия (критика) лидирующей парадигмы может быть осмысленной и конструктивной только из собственной гносеологической ситуации, определяемой собственной научной практикой, а именно: а)потенциалом конкретных объектов, б)необходимостью выработки предмета (включая сюда

Геоархеология как направление, занимающееся тафономическими аспектами развития культуровмещающих отложений, должна быть снята с «венчального», конечного по характеру научного продукта уровня до исходного, первичного этапа научного исследования и в этом смысле, действительно, стать «обязательной программой» в изучении любого объекта и района. Снижение статуса геоархеологии не значит, что должны быть свернуты стоящие под ее флагом комплексные работы смежных естественнонаучных дисциплин. Это означает, что их деятельность должна быть оформлена не только **организационно, но и предметно.**

От представленных тезисов перейдем теперь к развернутому изложению нашей критической позиции.

Вновь о мезолите: рефлексия метода

Классической работой по мезолиту Сибири является исследование Г.И.Медведевым памятника Усть-Белая (1971). Оно включает в себя описание и анализ планиграфии и материала 16 мезолитических культурных горизонтов и реконструкцию хозяйственного уклада населения стоянки. Она же, эта работа, и приняла на себя большинство критических стрел, в первую очередь, от самого же автора много лет спустя (Медведев, 2000). И мы обратимся прежде всего к ней.

В основу работ по мезолиту Г.И.Медведев и М.П.Аксенов взяли идеи С.П.Толстова (1931), вышедшие в свет в 30-е годы. Главными из них являлись, во-первых, представление о hiatus между палеолитом и неолитом, который должен быть заполнен мезолитическим этапом, во-вторых, представление о косности и недостаточности одних археологических данных для реконструкции древней человеческой деятельности и необходимости привлечения для этого сторонних, неархеологических - исторических, этнографических и прочих ИСТОЧНИКОВ (Толстов, 1931:86), в-третьих, идея комплексного хозяйственного уклада в мезолите. Задача реконструкции Г.И.Медведева заключалась, таким образом, в том, чтобы показать комплексный характер хозяйства насельников Усть-Белой, привлекая для этого в **качестве** аналогий различный археолого-этнографический материал.

Объект

Сама Усть-Белая позволяла ставить такую задачу. Она представляла собой «многослойчатое» надпойменное аллювиальное тело, иными словами, террасу, в пойменной фации которой было заключено 16 мезолитических горизонтов. Сами культурные горизонты, казалось, являлись инситуными комплексами с выраженным планиграфическим рисунком. относительно моментально погребаемыми аллювием регулярных паводковых вод, и содержали представительный каменный и фаунистический материал.

Кстати, именно остатки органики, как орудий, так и пищевых остатков, на стоянке Старр Карр,

раскапывавшейся в 1949-1951 гг., позволили исследовать ее Гр.Кларку как многократную зимнюю стоянку небольшой группы охотников на оленей (Trigger, 1990). И именно фаунистический состав коллекций Усть-Белой как важнейший источник палеохозяйственных исследований позволил Г.П.Григорьеву воскликнуть, что мезолит Г.И.Медведева построен «на костях косули и осетра».

За основной объект хозяйственной реконструкции был взят наиболее представительный «объединенный» (ХИМИ) мезолитический горизонт. «Слипание» во внутренней приподнятой пришовной части террасы разделенных в прибрежной части стерильными прослойками ХШ-П горизонтов позволило выделить их в «объединенный горизонт» и описывать как уровни временной части одного поселения.

Фаунистические данные позволяли судить, прежде всего, об основных объектах и объемах промысла. Наличие костей рыб и специфически рыболовных орудий выделить рыболовство как самостоятельную отрасль в хозяйстве.

Помимо вывода об основном промысловом виде (1), по териофауне был получен целый ряд существенных суждений. Определена анатомическая полнота костей скелетов (2), и отсюда был сделан вывод об охоте в окрестностях стоянки, т.к. туша доставлялась целиком. Сделана попытка установить общее количество добытых на охоте особей (по Н.М.Ермоловой, без учета их дифференциации по горизонтам их около 700). По отросткам рогов (3) определено наиболее вероятное время забоя и отсюда обитания на стоянке.

Для ихтиофауны также были определены насколько возможно: 1) видовой и процентный состав. 2) линейные размеры, 3) вес, 4) возраст рыб. Основным объектом промысла был признан осетр.

Что касается орудий и способов охотничьего и рыболовного промысла, то тут имеющийся ряд предметов, интерпретируемых как орудия промысла, существенно дополнен предполагаемым набором несохранившихся орудий из органики, почерпнутых из этнографических и археологических аналогий. Реконструированы были также и возможные способы охоты и рыболовства. За основу взяты способы промысла соответствующих животных видов у народов Сибири (эвенков, долган, нганасан, бурят, амурских ороченцев, эскимосов), например:

«Крючки употреблялись несомненно или в переметах, какие известны всем народам севера Евразии (ссылки), или же в виде отдельных снарядов, например, типа «лумы», применяющейся в Нарымском крае и зимних удочек, описанных А.А.Поповым у долган» (Медведев, 1971 б: 117-118).

Имеющиеся в наличии в археологическом материале орудия были представлены гарпунами. острогами, цельнорезными костяными крючками и колотушками. В числе предполагаемых орудий рыбного промысла выделены верши, сеть и лодка. Последняя, например, в силу того, что большинство

реконструируемых способов рыболовства невозможно вести без ловли. Среди способов названы поколка во время нереста и на перекатах, ужение рыбы переметами и удочками и ловля вершами и сетью.

Выделена также группа «орудий потребления» добытой рыбы - группа тонких ножей из отщепов.

Помимо этнографических, в качестве функциональных, типологических коррелятов приводятся собственно археологические сведения по мезолиту-неолиту Западной Европы (Дж.Кларк Доисторическая Европа, 1953 (Медведев, 1971 ж: 119)), неолиту -бронзовому веку Прибайкалья (Окладников, 1955 }

В отношении охотничьего промысла мезолитического населения Усть-Белой Г.И.Медведев подошел также, как и в отношении рыболовства: были экстраполированы знания о видах охоты на соответствующих животных, главным образом, косулю, у различных народов Сибири. Вторым компонентом-источником экстраполяции стали этологические данные о миграциях копытных, нересте рыб, определившие предпочтительный сезон массовой добычи. К имевшемуся набору охотничьего инвентаря (вкладышевые и костяные наконечники стрел и дротиков) были добавлены сопутствующие, но из логики предложенных способов охоты необходимые орудия. такие, как изгороди, силки, самострелы. Предложенные способы охоты - это массовая охота на косулю и оленей во время миграционного перехода поздней осенью и в марте и индивидуальная охота летом.

Сама стоянка характеризовалась как расположенное в непосредственной близости от места добычи (имеются все части скелетов косули), относительно долговременное поселение (судя по несовпадающим сезонам добычи осетра и косули и равномерно плотному насыщению культурного слоя на неподтопляемой части стоянки), имевшее постоянную, незатопляемую и временную, пониженную. периодически затопляемую части. В планиграфической картине выделяются очаги и кострища со скоплениями культурных остатков вокруг них и так называемые «хозяйственные ямы», выполнявшие, по-видимому. роль мусорных ям, хозяйственных ям-хранилищ («клады» изделий), ритуальных мест (погребение собаки).

Методы Корпус методов анализа археологического материала обширен. Это:

1) видовое определение фаунистических остатков и процентное определение соотношения представленных видов. Наиболее многочисленные интерпретированы как основные объекты добычи;

2) определение анатомической полноты скелетов. Исходя из этнографических знаний об оставлении голов и конечностей убитых животных в непосредственной близости от места добычи, Усть-Белая «опознана» как лагерь в непосредственной близости от места охоты, поскольку присутствуют

именно все части скелетов косуль;

3) **определение сезона добычи** и отсюда обитания на стоянке по сброшенным рогам, дополненное этологическими сведениями о сезоне ежегодной миграции косуль и рыб. Расхождение данных этологии по терио- и ихтиофауне обусловило суждение об относительно продолжительном характере обитания людей на стоянке;

4) **трассологические** и **сравнительно-типологические исследования** каменного и костяного инвентаря, определяющие функцию орудий;

5) **микростратиграфические** и **план** и **графические исследования**, позволившие говорить об отдельных очажных, «ямных» комплексах. уровнях заполнения ям культурными остатками и т.д.

Указанные методы исследования стояночных комплексов в ходу и сегодня, в полной мере составляя основной арсенал методов «поселенческой» археологии. Добавить к этому перечню, пожалуй, можно не так уж много: 1) применение так называемого «метода связей» различных участков и комплексов культурного слоя по аппликационным данным и данным о петрографических экзотах (например. Сериков, 1983; Аксенов, 1981); 2) при-менение палеомагнитных исследований в деле определения инситности, кратности и степени нагрева очажных обкладок, возраста обожженных камней и керамики (Бураков, Начасова, 1992); 3) изучение ростовых структур животных (зубов, рыбьих позвонков и жаберных крышек и др.) с целью установления сезона промысла; 4) лепидные (жировые) исследования лезвий орудий, позволяющие судить о характере обрабатываемого зоологического материала; а также ряд других методов на пороге вступления в рядовую исследовательскую практику, количество которых непрерывно растет и трудно поддается учету.

Развитие и внедрение этих методов, как мы видим на собственном примере, напрямую зависит от принятой научной парадигмы, сформулированной или невыраженной системы научной идеологии, сужающей эпистемологические рамки познания, не оставляя места для этих методов, или, наоборот, раздвигающей эти границы, стимулируя развитие методов «поселенческой» археологии.

Возвращаясь к линии развития нашего сюжета, обратимся к эпистемологическим, **методологическим основам** хозяйственной реконструкции поселения Усть-Белая. Они не были сформулированы автором. Г.И.Медведевым, но зато им же были раскритикованы. Попытаемся, учитывая эту критику, сформулировать их в том виде, в каком их теперь видим мы.

Изначально, как уже отмечалось выше, лежали идеи о недостаточности одних археологических данных для построения цельной, связной картины прошлого (Голстов, 1931:86) и необходимости привлечения в этих целях этнографического, исторического и другого неархеологического материала.

Созданная реконструкция заключала в себе картину хозяйствования мезолитического населения Усть-Белой,

как сегодня сказали бы мы, основной аспект материального воспроизводства условий жизнедеятельности человеческого коллектива. В силу археологической специфики источника и позиции исследователя она неполна и состоит из характеристики промысловой деятельности (как ведущей экстрастоянчной связи функциональных отношений), внутрстоянчной (интрастоянчной) структурной характеристики.

В определении (экстраполяции) соответствующего значения археологических материалов ведущую роль играли современные этнографические и этологические данные. Подчиненную роль в определении функционального значения артефактов играли также собственно археологические сравнительно-типологические, морфо-типологические, трас-сологические, зооархеологические методы исследования.

Ведущая роль современных этнографических и этологических данных заключалась в процессуальном характере знания, выделяемого в наблюдении за живой действительностью (процессами жизнедеятельности обществ и видовых популяций) и присваиваемого дискретным, статичным археологическим данным. Знания, организующего археологический материал в целостные интерпретационные картины палеопроцессов жизнедеятельности древних обществ.

Схема 4

На этом пути были приняты несколько допущений (Схема 4). Первые два касаются правомерности привлечения знаний о современных данных в функциональной интерпретации данных археологических (II) и в правомерности интеграции этих интерпретированных уже данных в целостную «процессуальную» картину (I). Они исходят из принятия априори тождественности социальной и биологической природы мезолитического человека и человека этнографического, а также неизменности этологии промысловых видов животных. Тождественности, лежащей в основании принципа актуализма в науках исторического типа.

Третье принятое допущение - принятие исходных археологических данных за данные одного комплекса

(III), допущение инситуности слоя и относительно низкой степени его компрессии, которой можно пренебречь или устранить ее в ходе тафономического цикла работ.

С позиции нынешних дней нам представляется, что отсутствие рефлексивной работы, формализовавшей и конституировавшей сам метод реконструкции, сделало невозможным его дальнейшее применение. Необсуждаемые, необоснованные в своем избрании принципы построения целостной интерпретации, неопределенность в отношении статуса получаемого знания, эпистемологических пределов тех самых допусков, позволяющих реконструировать путем введения экстраполированного знания, позднее сделали сам данный опыт примером субъективности, не критичности в глазах иркутских исследователей, прежде всего, самого автора. Представление об отсутствии внутренней структуры культурного слоя вообще, со временем заменившее частное таковое представление в отношении палеолита, осуждение фантазерства по поводу мелких подробностей промысла и недостающих артефактов похоронили надолго саму идею реконструкции процессов деятельности в археологии. И сам способ реконструкции, и полученное в результате знание не были инструментальны, т.е. оказались неспособны к воспроизведению на других материалах. Способ реконструкции - поскольку не был отрефлексирован и формализован как метод и перестал соответствовать растущим в археологии критериям научности, а знание - поскольку уникальный тип объекта оставлял позади основную массу археологических памятников. Хотя поначалу такие попытки делались:

-Хозяйство населения группы памятников долины р.Иды, из-за отсутствия палеонтологического материала и четких форм промысловых орудий не может быть охарактеризовано с полной уверенностью. и мы можем лишь предполагать, что здесь также происходи.! переход к рыболовству как постоянной, специализированной отрасли хозяйства» (Медведев, 1971б:126).

Однако сами разработки Усть-Белой не остались в одиночестве. Со временем в научный фонд был введен ряд первоклассных многослойных объектов прекрасной сохранности и высокой информативности, таких, как Казачка. Горелый Лес, Большой Якорь, Итырхей. Берлога, Саган-Нутэ и др., материалы которых позволяют заниматься деятельностным моделированием, возрождают интерес к первому такому опыту и ставят вопрос о типе данного археологического объекта.

Указанные слабые места опыта реконструкции не были бедой или виной одних лишь иркутских археологов. Сама научная методологическая традиция советской археологии к 60-м гг. XX в. была таковой, была ли это история, социология или этнология, «вооруженная лопатой». Именно на оппозиции к методологической «немогости» и на позиции необходимости развития логически «прозрачных», формализованных собственно археологических

методов выросли в 60-70 гг. новые научные направления, в частности так называемые «дескриптивная археология» (куда ленинградскими авторами причислена и иркутская школа во главе с Г.И.Медведевым) и «эшелонированная» или «строгая археология» (Лебедев, 1992; Клейн, 1993).

Подорванный «авторитет» палеохозяйственных реконструкций в мезолите в итоге привел к полному отказу от занятий подобного рода, объявленных «каналом проникновения субъективности в археологию» (Медведев, Волосова. 1993). Но анализ содержания сменившей геoarхеологической парадигмы заставляет нас признать, что геoarхеология как содержательно иной исследовательский этап в процессе археологического познания, неспособный и не служащий этим задачам и. в свою очередь, нуждающийся в их «обслуживании», не может быть альтернативой этапу построения конечных интерпретационных «процессуальных» картин. Иными словами, мы убеждены, что в геoarхеологии либо как в версии палеолитоведения, либо как в версии палеоэкологической, либо - тафономической без соответствующего этапа построения процессуального (деятельностного, культурологического, палеохозяйственного и т.п.) знания не **обойтись**.

III. Еще один взгляд на «геoarхеологию»

Концептуальное оформление «геoarхеология», помимо прочих, получила в работе К.Бутцера «Археология как человеческая экология» (Butzer, 1985), где ей отведена роль целого этапа в процессе археологического исследования. По Бутцеру, геoarхеология - это комплекс аналитических процедур исследования процессов, происходящих с культурными остатками в погребенном состоянии, и естественных, акультурных составляющих изучаемой палеоэкологической ситуации, приведшей к образованию следов человеческой деятельности. Основной целью геoarхеологии должно стать понимание естественной модификации культурных остатков. Поэтому ее методы - методы естественных наук о земле. Само выделение Бутцером целого комплекса исследовательских процедур связано с представлением о дуальном культурно-естественном происхождении археологического объекта. В нем естественные процессы вмещающего геоморфологического тела играют деструктурирующую роль по отношению к культурным процессам в силу того, что природа естественных процессов иная.

Естественные процессы, протекавшие в момент обитания местонахождения и выпадения на нем культурных осадков, выглядят как природные, средовые составляющие экологической ситуации. Результаты их исследования являются компонентой социокультурной интерпретации археологических объектов в терминах социальной экологии, что, по Бутцеру, является конечной целью археологического исследования (что, собственно говоря, и отражено в названии книги).

В анализе геoarхеологии Бутцера, выделяются два аспекта:

1. «Тафономический», касающийся модификации культурных отложений (артефактов) культурных остатков под действием акультурных и поэтому деструктурирующих процессов вмещающего геоморфологического тела или развивающихся биогеоценозов на местонахождениях экспонированных остатков. На этом уровне геoarхеология сама способна решать задачи экскавации, документирования и анализа археологического объекта с целью определения степени деструкции культурных отложений. Важнейшей задачей является также относительное и абсолютное датирование археологического материала. Процедуры геoarхеологии на этой стадии, равно как и аналогичные тафономические процедуры в палеонтологии, литологические в геологии. являются процедурами процесса, называемого в философской литературе «межвременным переходом» (Никитин, 1966). Где межвременной переход - это процесс перехода от информации о предметах, существующих в наше время (исходные данные культурные остатки), к информации о предметах, существовавших в прошлом, который осуществляется на основе времясодержащих законов (Никитин. 1966:35). Для археологии таким законом, очевидно, является аксиома увеличивающейся со временем деградации культурных отложений (артефактов) до культурных остатков.

2. «Экологический аспект, касающийся естественных процессов, участвовавших, наряду с человеческой деятельностью, в палеоэкологической ситуации, в результате которой были образованы культурные отложения. На этой стадии геoarхеология неспособна самостоятельно решать задачи и интегрирована в конечные культурно-экологические интерпретационные процессы. Собственная ее задача ограничивается представлением данных естественных наук об окружающей природной среде (по Бутцеру - геосреде обитателей древних обитателей, которые в задаче построения моделей доисторических поселений должны быть интегрированы с данными материальной культуры, но уже на более высоком уровне. В эпистемологической конструкции метода ретросказания прошлого эта процедура соответствует уровню «восстановления (моделирования) полной структуры объекта» (Никитин. 1966:37), исходными данными являются результаты, полученные при межвременном переходе (в частности, результаты тафономического анализа стоянки). Законы, действующие здесь, прежде всего - структурные. Так, экологические модели должны строиться на основе онтологического (структурного) представления, например, социальной экологии как деятельностно-природной системы (Щедровицкий, 1987), культурного адаптивного механизма (Маркарян, 1983). или по Бутцеру - социо-экологической адаптивной системы. В исследовательской стратегии геoarхеологии Бутцера этому уровню соответствует процедура

моделирования микро-, мезо- и макроландшафтов для определения пространственных и экологических параметров человеческого обитания (Butzer, 1985: Table 3-2).

В собственно научную дисциплину как отдельную отрасль знания, по нашему мнению, можно выделить только тафономический аспект геоархеологии Бутцера благодаря наличию собственного предмета исследования.

Л.С.Клейн (1978) в схеме формирования археологических источников выделил стадии упокоения и археологизации, проходя которые, «выпавшие в осадок» элементы культуры подвергаются старению, обветшанию, разрушению по определенным законам и в зависимости от местных условий. Такие процессы характерны не только для археологических, но и для всяких находок, извлекаемых из длительного состояния погребенности в земле или заброшенности на земле» (Клейн, 1978: 79). Ирвингом Раузом в 1973 г. на этом основании по аналогии с тафономией в палеонтологии было предложено создать специальную отрасль по изучению этих закономерностей - археологическую тафономию (по: Клейн, 1978:79).

Интересен опыт выделения в палеонтологии самостоятельной дисциплины - тафономии. Опыт, который в большой мере может стать образцом для появления соответствующих отраслей знания в других науках исторического типа, в частности, в археологии. Как известно, автор этого направления И.А.Ефремов (1940,1950) основную задачу тафономии (от греч. слов: «тафо» - захоронять и «номос» закон) видел в изучении захоронения и образования местонахождений ископаемых животных и растений. При этом образование местонахождений понималось как переход органических остатков из биосферы в литосферу, осуществляющийся процессами, происходящими, с одной стороны, в биосфере, с другой - в литосфере (Ефремов, 1950: 3). Одна из основных особенностей образования местонахождений - выборочность захоронения, вызванная разными факторами. Тафономия объединяет в себе биологическое и геологическое направления соответственно генетическим типам - составляющим формирования палеонтологического местонахождения.

Биологическое (палеонтологическое) направление включает в себя: 1) исследование причин гибели животных, типов ценозов и руководящих организмов, характерных для ситуаций отложения органических остатков в биосфере. Основной характер выборочности захоронения на этом этапе, по И.А.Ефремову -отсечение всех редких, немногочисленных по количеству особей формы (Ефремов, 1950: 118). Аналогичные для археологии процессы культурной трансформации (К-трансформации) выделил М.Шиффер, анализ которых включал условия выбрасывания, локализации выбросов, возможность утерь и погребальные практики, т.е. антропогенные причины попадания или непопадания тех или иных культурных предметов в слой (об этом: Trigger, 1990:

360). Реализация этого направления в тафономии происходит за счет исследований как непосредственных местонахождений, так и современных эквивалентных биоценологических и физико-географических обстановок (Ефремов, 1950:163-171). Очевидно, может возникнуть вопрос об иерархии таксонов палеоэкологии и тафономии и, соответственно, порядке исследовательских операций. Ведь если в палеоэкологии существует тафономический аспект образования палеонтологических местонахождений, то также и в тафономии по сложившейся традиции «палеоэкологический аспект тафономических исследований захоронений организмов и их ассоциаций, несмотря на то, что тафономия стала уже самостоятельной областью знания» (Современная палеонтология, т.1., 1988:369).

По нашему мнению, такая ситуация характерна для полипредметных исследований, развивающихся на одних объектах, в данном случае - физически достоверных ископаемых остатках, вмещенных в геологические тела. Последовательность операций и иерархия соответствующих им научных дисциплин должна строиться, исходя из целей исследования, т.е. предметного фокуса. Так, в палеоэкологии - науке о взаимоотношении организмов и среды в геологическом прошлом (Современная палеонтология, т.1., 1988) -первейшей задачей тафономических наблюдений является установление типа ценоза, позволяющего судить о прижизненных ассоциациях видов в сообществах. «Тафономия дает возможность обоснованного выбора актуалистической модели, которая позволяет реконструировать утраченные компоненты экосистем. Только через реконструкцию экосистем палеонтология может осуществлять полное взаимодействие с другими дисциплинами...» (Современная палеонтология, т. 1,1988:431; Янин, 1983).

Аналогичным образом в археологии вопрос соотношения палеоэкологического, тафономического и прочих направлений может решаться, исходя из задач определения основного предмета археологии: 1) археология - источниковедческая наука, 2) археология - реконструктивно-историческая наука, 3) археология - первобытная история и др. (Гражданников, Холушкин, 1990:135).

2) Собственно тафономический аспект ставит задачей познание закономерностей сохранения органических остатков в осадочных толщах в итоге прохождения через стадии танатоценоза (скопление мертвых организмов в биосфере), тафоценоза (переноса и захоронения остатков) и ориктоценоза (палеонтологического местонахождения) (Ефремов, 1950). Процессы, которые происходят в это время с органическими остатками, - процессы включения в почвенные трофические цепи, минерализации, превращения в осадочные породы, деструкции осадочных комплексов, вмещающих органические остатки.

Процесс развития (гео-)археологического объекта представляется здесь инвариантным таковому в

палеонтологии.

Отправным моментом развития Объекта следует считать факт образования культурных отложений (КО), дальнейшая метаморфоза которых, исследуемая геoarхеологией, проходит условно выделяемые стадии упокоения (депозиция), археологизации (постдепозиция). В результате действия этих процессов исследователь имеет дело с культуровмещающим геологическим слоем (КГС). Как вариант - с экспонированными на дневную поверхность культурными остатками.

Основные этапы формирования объектов археологии (по: Клейн, 1978) и палеонтологии:

в палеонтологии	в археологии
биоценоз	палеоэкосистема (палеокультура, деятельность-природная система)
танатоценоз	выпадение культурных остатков (преддепозиция)
тафоценоз	упокоение (депозиция)
фоссилизация	археологизация (постдепозиция)
ориктоценоз (местонахождение)	археологическое местонахождение

Исследование причин образования культурных отложений находится в компетенции дисциплины палеоэкологии (социальной экологии). Соответственно, генетический аспект культурных отложений (для геoarхеологии - палеоэкологический (палеокуль-турологический) аспект) есть либо 1) момент сопряжения различных по предмету дисциплин (если рассматривать геoarхеологию и палеоэкологию как равноправные и независимые дисциплины), либо 2) момент сопряжения разных этапов исследования (если брать в фокус один из предметов, подчиняя второй).

Если говорить о геoarхеологии как о возможно самостоятельной дисциплине, то в этом качестве она должна удовлетворять ряду требований к построению дисциплины, т.е. самостоятельной отрасли знания

(Щедровицкий, 1995). А именно, она должна своими средствами и методами решать задачи, определенные в круге предметных проблем. (А мы видим, что сегодня геoarхеология не способна самостоятельно решать поставленные перед собой задачи развития палеосоцио-био-геоценозов, и метод, который может быть оценен как ее «собственный» - метод «теоретической морфологии» не адекватен заявленным целям и задачам.) При этом данные смежных научных дисциплин должны рассматриваться как исходные данные для синтеза предметного знания в рамках данной дисциплины собственными ее средствами, т.е. категориальным понятийным аппаратом, принципиальными представлениями реферируемых онтологических свойств объекта, собственным методом исследования. Выделение предмета дисциплины должно сопровождаться представлением процесса общего для всех явлений, исследуемых данной дисциплиной, поскольку наличие такого процесса задает целостное системное единство представлениям об объектах, что и является неперенным условием для синтезирования данных смежных наук и построения единого предметного знания.

Сегодня, как мы полагаем, эти требования не реализованы полностью. В этом отношении мы можем позволить себе несколько выводов в тезисном порядке.

Обоснованием для выделения геoarхеологии в самостоятельную научную дисциплину является диахронный полигенетический процесс формирования археологических местонахождений. Геoarхеология должна рассматриваться как чафономическая дисциплина и должна быть признана эквивалентной тафономии в палеонтологии и источниковедению в исторических гуманитарных науках. В случае признания археологии источниковедческой наукой археология и геoarхеология становятся понятиями тождественным и. В случае признания геoarхеологических задач конечными задачами археологии геoarхеология должна выполнять функции междисциплинарного планирования направлений и целей исследований смежных наук. Если же встать на точку зрения, что археология есть историко-реконструктивная, палеоэкологическая, палеокультурологическая или иная другая в этом роде наука, геoarхеология должна рассматриваться как источниковедческий этап археологического исследования, совокупность процедур «внешней критики источника». Всякое непосредственное получение палеоэкологической информации из ископаемых источников имплицитно несет в себе геoarхеологическую (тафономическую) оценку, например, отождествление культурных остатков с артефактами с элиминацией деструктурированных свойств последних. В любом случае первичные полевые и лабораторные работы имеют геoarхеологический характер, поскольку исходным материалом всякого исследования являются ископаемые геолого-археологические объекты.

Послесловие к «Критике»

Даже стоя в позиции, крайне консервативной по отношению к самой возможности моделирования или реконструкций в археологии, невозможно миновать ответа на вопрос об онтологической природе ископаемых объектов. Нельзя писать о социобиогеоценозах или палеопроизводстве, или палеоэкологии человека, не ответив (или не составив) «что же это такое в принципе?» Ответ на этот вопрос и есть онтологическая картина (Никипаев, 1999). Вопрос о ее адекватности объекту, лежащий в плоскости онтологической работы, важен, но вторичен по отношению к вопросу о **наличии** такого онтологического представления, являющемуся непременным требованием эпистемологической (методологической) корректности исследования (познавательной ситуации).

Очертив видимую логику и ход развития иркутской археологической парадигмы, мы подошли к вопросу о дальнейшем, уже собственном развитии из сегодняшней ситуации в будущее. Вопрос самоопределения исследователя, вызвавший ретроспективный взгляд в прошлое «породившей мя» научной школы, неизбежно приводит к вопросу о преодолении критикуемых позиций. Вопрос о том, как же теперь надо, действительно, самый тяжелый, грозящий в случае неудачи обесценить всю предпринятую затею с рефлексией исследовательской ситуации в иркутской археологии. В ряде статей настоящего сборника мы приводим наше понимание того, в каком направлении следует двигаться, в каком направлении осуществлять теоретический поиск.

Литература

Аксенов М.П., 1974 Многослойный археологический памятник Макарове II // Древняя история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. - Вып.1. -С.91-126.

Аксенов М.П., 1981 Аппликативный метод в анализе археологических источников II Описание и анализ археологических источников. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1981. -С.34-43.

Аксенов М.П., 1995 Исследования донеолитических комплексов на Верхней Лене // Байкальская Сибирь в древности. - Иркутск: Изд-во Иркут. пед. ин-та, 1995. -С.45-60.

Аксенов М.П., 1996 Донеолитические местонахождения Качугско-Верхоленского участка Верхней Лены // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование: Сб. науч. тр. - Иркутск, 1996. -Вып.1. -С.12-22.

Аксенов М.П., 1998 Исследования донеолита Верхней Лены // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий (Мат-лы международного симпозиума): В 2 т. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - Т.2. - С.6-10.

Аксенов М.П., Лышца В. А, Шуньков М. В., 1975 Комплекс донеолитических местонахождений у дер.

Кистенево на Верхней Лене (Предварит, сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. -Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1975. - Вып.3. - С.81 -115.

Аксенов М.П., Окладников А.П., 1980 История исследования Верхоленской Горы /7 Мезолит Верхнего Приангарья.-Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1980. Ч.2.: Памятники Иркутского района. - С.8-25.

Бердникова Н.Е., 1990 Еще раз о сибирском "мезолите" // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. к XXX РАСК /Отв. ред. Г.И.Медведев, Н.А.Савельев. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 1990.-С.129-131.

Бердникова Н.Е., 1995 Усть-Белая: история исследования // Байкальская Сибирь в древности. -Иркутск: Изд-во Иркут. пед. ин-та, 1995. - С.78-96.

Бердникова Н.Е., 2000 Новые материалы по позднеледниковью долины р.Белой (культура, хронология) // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей: Программа и мат-лы докл. международ, науч. семинара. - Иркутск, 2000. -С. 17-27.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г. Д., Ощепкова Е.Б., 1998 Геоморфология и стратиграфия геoarхеологического объекта Усть-Белая (основная площадь изучения) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века в Северной Азии и сопредельных территориях: (Мат-лы международ, симпозиума). -Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998.-Т.2.-С.26-36.

Борисковский П.И., 1996 (1949) Изучение палеолита в Советском Союзе Антология советской археологии. (1941-1956).-М., 1996.-Т.8.-С.12-19.(// Вестник ЛГУ. 1949.№2.С.75-87).

Бураков К.С., Начасова И.Е., 1992 ПалеОхМагнитное исследование археологического памятника "Большой Якорь" - Геомагнетизм и аэрономия. -1992. - Т .32, №6. -С. 153-158.

Волосова Е.Б., 1994 О проблемах познавательной специфики археологии II Методология и методика археологических реконструкций. - Новосибирск: Наука. 1994.-С.4-10.

Волосова Е.Б., 1995 Проблемы археологического познания (гносеолого-теоретический анализ): Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. - Иркутск, 1995. -162 с.

Воробьева Г.А. Бердникова Н.Е., 1995 Палеология человека: некоторые методологические проблемы // Природные ресурсы, экология и социальная среда Прибайкалья. - Иркутск, 1995. - Т.3. С.81-84.

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е., 2001 Археотафо-номия: этапы, процессы, циклы /,' Современные проблемы палеолитоведения. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С.53-71.

Генералов А.Г., 2000 Опыт выделения иeoархеологических объектов Канско-Енисейского региона Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей: Программа и мат-лы докл. международ, науч. семинара. - Иркутск, 2000. -

Георгиевский А.М., Медведев Г.И., 1980

Мезолитическая стоянка Царь-Девича / Мезолит Верхнего Приангарья. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1980. - 4.2: Памятники Иркутского района. - С. 103-116.

Герасимов М.М., 1931 Мальта. Палеолитическая стоянка: (Предварит, данные). Результат работ 1928/29 гг. - Иркутск, 1931. - 18 с.

Герасимов М.М., 1935 Раскопки палеолитической стоянки в с.Мальта // Изв./ГАИМК. - М.-Л., 1935. - ВЫП.118.-С.78-124.

Герасимов М.М., 1955 Восстановление лица по черепу: (современный и ископаемый человек). - М.: Наука, 1955. - §44: Неолитическое население в области байкальской культуры.-С.414-435.

Горюнова О.И., 1978 Ранние комплексы многослойного поселения Итерхей // Древняя история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1978. - Вып.4. - С.70-89.

Горюнова О.И., 1982 Бескерамические комплексы многослойного поселения Берлога // Палеолит и мезолит юга Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982.-С.174-191.

Горюнова О.И. Новиков АХ, 2000 Бескерамические комплексы Приольхонья (оз.Байкал) // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей: Программа и мат-лы докл. междунароуд, науч. семинара. - Иркутск, 2000. - С.51 -57.

Гражданников Е.Д., Холушкин Ю.М., 1990 Системная классификация социологических и археологических понятий.-Новосибирск: Наука, 1990. -184 с.

Ермолова Н.М., 1978 Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. - Новосибирск: Наука, 1978. -222 с.

Ефремов И.А., 1940 Тафономия - новая отрасль палеонтологии// Изв. /АН СССР Сер. Биол. - М.: Изд-во АН СССР, 1940.-№3.-С.405-413.

Ефремов И.А., 1950 Тафономия и геологическая летопись (I Тр./Ин-та палеонтологии. - Кн.1: Захоронение наземных фаун в палеозое. - Т.ХХI V. - М.: Изд-во АН СССР, 1950. -178 с.

Инешин Е.М., 1996 Адаптационные механизмы в технике расщепления клиновидных нуклеусов (по материалам многослойного археологического памятника Большой Якорь) // Поздний палеолит - ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. - Владивосток, 1996. - С.88-92.

Инешин Е.М., 1993 Деятельностный подход к изучению планиграфии археологического памятника Большой Якорь // Исторический опыт освоения Восточных районов России: Тез. докл. и сообщ. междунароуд. науч. конф. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 1993. - С.61 -64.

Инешин Е.М., 1995 Некоторые аспекты создания модели деятельности человека в плейстоцене в горно-таежной зоне (Байкало-Патомское нагорье, нижнее течение р.Витим) // Обозрение результатов полевых и

лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. -Новосибирск: Наука, 1995.-С. 187-189.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1995 Введение к системно-деятельностному подходу в практике археологических исследований // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. - 4.1. -Новосибирск: Наука, 1995.-С.5-10.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1995 Модель системы расщепления по материалам Большого Якоря в рамках системно-деятельностного подхода // Байкальская Сибирь в древности. - Иркутск: Изд-во Иркут. пед. ин-та, 1995. - С.8-29.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1998 Некоторые аспекты применения системно-деятельностного подхода в планиграфических исследованиях // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. - Владивосток, 1998. - С. 11-22.

Клейн Л.С., 1993 Феномен советской археологии. -С.-Пб.:Изд-во"ФАРН" 1993.- 128 с.

Ларичев В.Е., 1969 Палеолит Северной. Центральной и Восточной Азии. - Новосибирск: Наука. 1969. -390 с.

Лебедев Г.С., 1992 История отечественной археологии. - СПб, 1992. - 464 с.

Лежненко И.Л., 1974 Итоги исследования позднпалеолитических памятников Кулаково I и Черемушник II // Древняя история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. -ВЫП.2.-С.65-115.

Лежненко ИЛ., 1991 Палеолитические горизонты стоянки Сосновый Бор // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири: Сб.науч.тр. -Иркутск, Изд-во Иркут. ун-та, 1991. - С26-35.

Лежненко ИЛ., Медведев Г.И. Михнок Г.Н., 1982 Исследования палеолитических и мезолитических горизонтов стоянки Сосновый Бор на реке Белой в 1966-1971 гг. // Палеолит и мезолит юга Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982.-С.80-108.

Леонова Н.Б., 1977 Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики палеолитических поселений: Дисс. насоиск. учен. стен. кан. ист. наук. -М., 1977.-170 с.

Липнина Е.А., Медведев Г.А., 1991 О процессах механической обработки камня расщеплением в палеолите-неолите Средней Сибири // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. - Красноярск: Изд-во Краснояр. пед. ин-та, 1991. - С.87-91.

Лынша В.А., 1978 Мезолит - понятие технологической периодизации ./ Археология и этнография Восточной Сибири: Тез. докл. науч.-теор. конф. -Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1978. - С.93-96.

Лынша В.А., 1980 Мезолит юга Средней Сибири: Автореф. дис.... канд. ист. наук. -Л., 1980.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д., 1989 Опыт датирования по С-14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена - СА. -1989. - № 1. - С. 19-32.

- Маркарян Э.С., 1983 Теория культуры и современная наука. - М.: Мысль, 1983. -286 с.
- Медведев Г.И., 1971а К истории исследования мезолита Приангарья // Мезолит Верхнего Приангарья. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1971. - 4.1. - С.5-25.
- Медведев Г.И., 1971 ж Хозяйственный уклад мезолитического поселения Усть-Белой Приангарья // Мезолит Верхнего Приангарья. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1971.-ЧЛ.-С.111-126.
- Медведев Г.И., 1971з Мезолитический комплекс стоянки Царь-Девича//Вопросы истории Сибири. Уч. зап./ВСОГО СССР.-Иркутск, 1971. -Вып.4, ч.1.-С.30-45.
- Медведев Г.И., 1966 Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964-1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963-1965 годы: (мат-лы к докл. на науч. сессии Ин-та археологии АН СССР). -Иркутск, 1966.-С.5-25.
- Медведев Г.И., 1978 Замечания о докерамическом периоде Японии и некоторые вопросы археологии палеолита и мезолита Северной Азии // Археология и этнография Восточной Сибири : Тез. докл. науч.-теор. конф. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1978. - С. 16-22.
- Медведев Г.И., 1981 К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. -Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1981. - С. 16-34.
- Медведев Г.И., 1968 Мезолит Верхнего Приангарья: Автореф. дис.... канд. ист. наук. - М., 1968.-28 с.
- Медведев Г.И., 1961 Место культуры Верхоленской горы в археологической периодизации Прибайкалья // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. -Новосибирск: Наука, 1961.-С.23 5-244.
- Медведев Г.И., 1977 Некоторые замечания об эволюции форм наконечников гарпунов в мезолите, неолите и энеолите Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1977. - Вып.4. - С. 114-121.
- Медведев Г.И., 1983 Палеолит Южного Приангарья: Автореф. дис. ... док-ра ист. наук. -Новосибирск, 1983.-44 с.
- Медведев Г.И., 1980 Предисловие // Мезолит Верхнего Приангарья. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 1980. - 4.2: Памятники Иркутского района. - С.3-7.
- Медведев Г.И., Бердников А.М., Федоренко А.Б., 1991 Некоторые аспекты изучения докерамических местонахождений Ангаро-Осинского района (Южное Приангарье) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991.-С.5-14.
- Медведев Г.А., Волосова Е.Б., 1993 О термине «освоение» и некоторых проблемах археологического познания (геоархеологический аспект) // Исторический опыт освоения Восточных районов России: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1993. - С.56-61.
- Медведев Г.И., Генералов А.Г., Дроздов Н.И., Акимова Е.Б., Бердникова Н. Е., Ветров В.М., Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Заика А.П., Ласточкин СВ., Липнина Е.А., Макулов В.Р., Осадчи и СС, Ощепкова Е.Б., Савельев Н.А., Ташак Е.В., 1996 Проблемы научной экспертизы и практики изучения геоархеологических объектов Байкальской Сибири (методология, методы, рекомендации). - Красноярск; Иркутск; Улан-Удэ, 1996. - 54 с.
- Мелвелев Г.Л., Липнина Е.А., 1993 Происхождение и развитие многоцелевых теоретических и технологических аспектов микропластин, микронуклеусов и нуклеидных материалов // The origin and dispersal of microblade industry in Northern Eurasia/Edited by Н. Kimura. - Sapporo, 1993 (на яп. яз.).
- Медведев Г.И., Липнина Е.Л., Новосельцева В.М., Шмыгун П.Е., 2000 О мезолите. В который раз?! // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей: Программа и мат-лы докл. междунар. науч. семинара. - Иркутск, 2000. -С.69-81.
- Медведев Г.И., Михнюк Г.Н., Шмыгун П.Е., 1975 Мезолит юга Восточной Сибири // Древняя история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1975. - Вып.3. - С.74-81.
- Мезолит Верхнего Приангарья., 1980 - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1980. - 4.2: Памятники Иркутского района.- 140 с.
- Никитаев В.В., 1997 Онтология и проблема технической реальности - Вопросы методологии. -1997.-№3-4. -С. 15-38.
- Никитин Е.П., 1966 Метод познания прошлого - ВФ. -1966-№8.-С.34^4.
- Окладников А.П., 1966 К вопросу о мезолите и эпипалеолите в Азиатской части СССР // У истоков древних культур (эпоха мезолита). - М.-Л.: Наука, 1966.-С.213-223.-(МИА.- №126).
- Окладников А.П., 1950 Неолит и бронзовый век Прибайкалья. - М.-Л., 1950. - Ч. 1-2. - 412 с. - (МИА.-№18).
- Окладников А.П., 1955 Неолит и бронзовый век Прибайкалья.-М.-Л., 1955. -Ч.3: Глазковское время. -373с.-(МИА.-№43).
- Описание и анализ археологических источников., 1981 - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1981. - 136 с.
- Равдоникас В.И. 1995 (1930) За марксистскую историю материальной культуры. // Изв. / ГАИМК. -1930. -Т.8, вып. 3-4 (Антология советской археологии, (1917-1933).-М., 1995.-Т.1.-С.123-131.)
- Савельев Н.А., 1991 Вклад Б.Э.Петри в изучение сибирского неолита // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. - С.75-92.
- Савельев Н.А., 1989 Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. -Новосибирск, 1989.
- Савельев НА., Горюнова О.ТЛ, Генералов АГ., 1974 Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес:

(предварит, сообщ.) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. - Вып.1. - С. 160-199.

Сериков Ю.Б., 1983 Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II (Среднее Зауралье) - СА. -1983. -№ 1.

Современная палеонтология. Методы, направления, проблемы, практическое приложение: Справочное пособие: В 2-х томах / Под ред. В.В.Меннера, В.П.Макридина.-М.: Недра, 1988. - Т. 1. -540с.

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири., 1990 - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990.-165 с.

Толстой С.И., 1931 Проблемы родового общества -СЭ.-1931. -№3-4. -С.69-103.

Федосеева С.А., 1971 Основные этапы древней истории Вилюя в свете новых археологических открытий / Уч. зап. / ВСОГО СССР, Иркут. обл. музей краеведения. - Иркутск, 1971. - Вып.4, ч.1: Вопросы истории Сибири. - С.56-61.

Хлобыстин Л.П., 1965 Древнейшие памятники Байкала//Палеолит и неолит СССР.- М.; Л., 1965. -Т.5. -С252-279,(МИА.- №131.)

Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С., 1978 Курлинский бескерамический комплекс на Северном Байкале (предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1978. - Вып.4. - С.56-70.

Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982 Нижний комплекс стоянок Курла // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. - С. 15-24.

Щелков Г. П., 1995 Избранные труды. - М.: Шк. Культ. Полит., 1995. - 800 с.

Щедровицкий П.Г., 1987 Деятельностно-природная система - Человек и природа. - 1987. -№ 12. -С. 12-69.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР, 1987 - М.: Наука, 1987.-471 с.

Янин Б.Т., 1983 Основы тафономии. - М.: Недра, 1983.-152 с.

Binford L., 1983b. In Pursuit of the Past. London. Thames and Hudson. - 254 p.

Butzer K.W., 1985. Archaeology as Human Ecology. Cambridge, Cambridge University Press. - 365 p.

Klejn L. S., 1972. Die Konzeption des «Neolithikums», Aneolithikums» und der «Bronzezeit» in der

archaologischen Wissenschaft der Gegenwart // Neolithische Studien I. Halle und Berlin, Martin-Luther-Universität Halle —Wittenberg und Akademie-Verlag: 7-29.

Trigger B.G., 1990 A History of Archaeological Thought. - Cambridge University Press, 1990. - 500 p.

Summary

This article is devoted to historiography reconstruction of the development of Irkutsk archaeological scholar in 1960-90 whose ideas are considered on the works of their leader G.I.Medvedev. The start and finish of this path of development are represented by the quite a different conceptions of "Mode of Economy" and "Geoarchaeology". The first original step of the post-war generation of Irkutsk archaeologists with their leaders G.I.Medvedev and M.P.Aksenov was the elaborating of Cisbaikalian Mesolithic conception in which one of the main arguments consisted of economic innovations. The mesolithic economy in Early Holocene became more complex. This inference was established by using of the whole set of new methods which were quite pioneer at that period. Later because of understanding of the unrealistic and quite a speculative character of that economic reconstructions, in one hand, and refocusing on the Palaeolithic which hadn't such informative sites. close cooperation with geologists, in the other hand, prompted G.I.Medvedev to elaborate the conception of "Geoarchaeology", which finally was formulated in 1990-x годах. As the author supposes, the ideal type of the Geoarchaeology's object is most reduced, i.e. least informative, or least discovered. In this case Geoarchaeology is indeed universal compulsory program. i.e. compulsory' minimum of the researching procedures initiates every study. But Geoarchaeology as a conception isn't adequate for the most informative objects and slows down the methods of their study research. The curtailment of such palaeoeconomical interpretations was a mistake and it was necessary to distinguish the formalization of such a method to make it more methodologically and epistemologically accurate and usable. Finally the author attempts to determinate the role of the geoarchaeology in the system of scientific procedures. Basing on the Butzer's geoarchaeologic and Efremov's taphonomic elaborations the author supposes the taphonomic character of Geoarchaeology.